

На следующий день после возвращения Лю Цюаньхай позвонил в семью Мэн. Он хотел сообщить старому мастеру Мэну, что нашел наследника Цзыдишу. Старик, несмотря на преклонный возраст, очень радел за сохранение традиционной культуры, и не только сяньшэна.

Дедушке Мэну было уже за девяносто. Он был старейшим патриархом в мире сяньшэна и свидетелем всей его истории: от выступлений на земле до открытия собственных театров, радиоэфиров, телетрансляций и нынешнего постепенного упадка. Его дети, внуки и правнуки — все были артистами сяньшэна. Учеников было не счесть. Настоящая династия, плоды которой были повсюду.

Трубку взял внук мастера — Мэн Цзиньюань, тоже артист. Он уже двадцать лет выступал в дуэте с Цзэн Вэнем, учеником Лю Цюаньхай, так что они были практически семьей.

— Цзиньюань, дедушка не спит? — Лю Цюаньхай не мог скрыть волнения. — У меня вчера случилось чудо. Встретил парнишку, который поет Цзыдишу. Причем он «лян мэнь бао» (владение сразу несколькими видами искусств) — и наше ремесло знает. Манера исполнения чем-то напоминает самого дедушку — очень уверенная.

Мэн Цзиньюань сначала обрадовался:

— Да ладно? Где же молодой человек мог такому научиться?

Лю Цюаньхай пересказал события вечера, не скупясь на похвалы:

— Хоть он и «хайцин» (артист без официальной родословной), но талант редкий! Хочу привести его к дедушке, чтобы тот оценил, как он поет Цзыдишу.

Мэн Цзиньюань вздохнул:

— Как раз хотел сказать: дедушке в последнее время нездоровится, он не встает с постели. Сейчас ему нужен покой, гостей принимать не может.

Улыбка сошла с лица Лю Цюаньхай. В таком возрасте болезни неизбежны. Он передал пожелания здоровья и попросил мастера беречь себя.

Мэн Цзиньюань расспросил поподробнее о Ци Шэцзяне. Ему и самому стала интересна история этого парня. Узнав, что Лю Цюаньхай приведет его в театр своего ученика, он уточнил дату и решил прийти на встречу.

На следующий день Мэн Цзиньюань навестил деда. Увидев, что старик в духе, он вкратце рассказал о таинственном юноше.

Мастер Мэн оживился:

— Тогда тебе нужно найти его и сделать всё, чтобы сохранить Цзыдишу. Это драгоценное искусство, исток многих баллад.

— Я всё сделаю, дедушка, — Мэн Цзиньюань поправил одеяло, заметив, что дед начал задыхаться от долгого разговора.

Старик лежал в постели, и в полусне его мысли унеслись в далекое прошлое.

Цзыдишу... Его старший соученик тоже пел Цзыдишу, когда вытирал ему лицо и репетировал напевы. Но после того как они потеряли друг друга, он больше этого не слышал. А спустя годы

узнал, что брата давно нет в живых. Он думал, что наследие Цзыдишу было похоронено вместе с ним... Как хорошо, что оно всё еще живо.

...

Ци Шэцзян в своей квартире тоже не бездельничал. Он пока не умел пользоваться интернетом, но смотрел телевизор и читал газеты, впитывая знания о новом мире.

Когда Лю Цюаньхай позвал его на встречу, Ли Цзин поехал вместе с ним. Поначалу менеджер был в шоке от того, что Ся Ивэй разрешила сыну заниматься юмором, но потом смирился и даже начал обдумывать, как использовать это, чтобы смыть с Джесси клеймо «красивой пустышки».

Театр ученика Лю Цюаньхая, Цзэн Вэня, был не просто чайной, а полноценным театром с билетами и ежедневными представлениями. Цзэн Вэнь и Мэн Цзинъюань были давно знамениты, и хотя их выступления не всегда собирали аншлаги, дохода хватало, чтобы выплачивать артистам зарплату.

Ци Шэцзян и Ли Цзин приехали днем. Представление еще не началось, Цзэн Вэнь и Мэн Цзинъюань репетировали с учениками. Лю Цюаньхай прибыл почти одновременно с ними.

Старики отвели Ци Шэцзяна в сторонку для разговора. Мэтрам было безумно любопытно: по словам Лю Цюаньхая, техника монолога у парня была как у зрелого мастера. Неужели он действительно набрался этого опыта за границей?

Внук Лю Цюаньхая, Сяо Лю, тоже пришел, но не полез к старшим, а остался в кругу молодых артистов театра — своих ровесников.

— Опа, это же тот самый тип с канала «Боло», сын Ся Ивэй. Что он тут забыл?

— Это не про него Сяо Лю видео скидывал, где он баллады поет? Умора была.

— Вы разве не читали сплетни? Я подозреваю, он пришел купить сценарии у нашего мастера!

— Чушь несешь. А дедушка Лю тогда зачем пришел?

Артисты не следили за каждой новостью в сети, поэтому строили догадки.

Сяо Лю, который единственный знал правду и раньше сам насмеялся над Ци Шэцзяном, теперь густо покраснел:

— Хватит уже болтать. Ничего вы не знаете, он очень крутой.

Все замерли, а потом дружно заржали, решив, что Сяо Лю шутит.

Сяо Лю: «...»

— А ну тихо, мелюзга! — гаркнул Цзэн Вэнь из угла. — Несите саньсянь!

Кто-то тут же притащил инструмент, собираясь отдать его мастеру, но Ци Шэцзян сам взял лютню — играть предстояло ему. Те, кто еще не слышал его игры, посмотрели на него с сомнением.

...

Ци Шэцзян вкратце объяснил Цзэн Вэню и остальным названия приемов Цзыдишу: «Хвост воробья», «Три кивка феникса», «Достать луну со дна моря» и так далее. Напевы были сложными и вычурными — в его багаже их было больше сотни. Тексты в основном состояли из семи иероглифов в строке, а аккомпанировал только саньсянь, поэтому жанр также называли «Чистым напевом Цзыдишу».

— Это короткий рассказ в одну главу, называется «Храм Лингуань», — пояснил Ци Шэцзян.

Рассказы Цзыдишу могли быть как короткими, так и длинными — до тридцати глав. В них было не только пение, но и немного речитатива, но после исчезновения жанра никто не знал, где нужно петь, а где читать нараспев.

Ци Шэцзян ударил по струнам и начал со вступления: «Где враг, где друг — не разобрать вовек, На камне Трех Жизней судьба предрешена. Всё из-за долга страсти, что не выплатил человек, Оттого и в сердце жалость к нежной красоте полна. Святая обитель стала местом плясок и песен, Врата пустоты превратились в врата суеты».

Затем начался основной напев: «Едва прошел праздник Срединного Юаня, ни холодно, ни жарко, В храме Лингуань настоятельница созывает гостей на именины. Званы вельможи и знать из столицы, блещут ярко, И жены знатных господ, чьи наряды полны старины. Здесь и князья, чьи уделы не знают конца и края, И чиновники в поколениях, чья кисть остра. Купцы с богатством несметным, в шелках утопая, И те, кто в управках служит до самого утра...»

Слово за словом, его пение напоминало Цзинъюнь Дагу, но это определенно было не оно — мелодия была более чистой и возвышенной.

Актеры, наблюдавшие со стороны, совсем запутались. «Зачем "Западный флигель"» еще можно было принять за обычную балладу, потому что текст был знаком, но про «Храм Лингуань» никто из них и слыхом не слыхивал. И когда они вживую услышали его игру и пение — а саньсянь звучал просто божественно и идеально ложился под голос — им стало казаться: может, он вовсе и не фальшивил раньше? У кого-то в голове мелькнула догадка: а что, если он вообще поет не баллады-дагу?

Тем временем Ци Шэцзян закончил отрывок, о чем-то переговорил с мастерами, отложил инструмент и вдруг а капелла запел классическую версию «Зачем "Западный флигель"» в стиле Цзинъюнь Дагу.

Среди всех современных баллад именно этот стиль был самым близким к Цзыдишу — он был его «прямым наследником» в плане ритма и мелодики. К тому же этот стиль заимствовал приемы из традиционной оперы.

Дойдя до конца фразы, Ци Шэцзян использовал классический «брошенный напев» Цзинъюнь Дагу: от низкой ноты он резко взмыл вверх, затем плавно спустился и закончил на основной тональности. Диапазон голоса, точность контроля и истинный «аромат» жанра были продемонстрированы во всей красе! Если прислушаться, это было не просто пение — это было подражание великому мастеру Му, причем поразительно точное.

Один и тот же сюжет в версиях Цзыдишу и Цзинъюнь Дагу — теперь Ци Шэцзян исполнил и то, и другое. Любому, кто слышал его исполнение баллады-дагу, и в голову не пришло бы подозревать, что в Цзыдишу он фальшивил.

В душах столпившихся артистов в этот момент пронеслось целое стадо диких лам.

— Твою же мать!

— ...Он что, вместо каши этими балладами питался с детства?!

— Кто, ну кто сказал, что он просто «красивая пустышка»?!

Если это — пустышка, то им самим лучше прямо сейчас найти щель в полу и провалиться сквозь землю!

Будучи артистами сяншэна, они так или иначе изучали различные виды традиционного вокала, особенно дагу, которое было на слуху у всех. Теперь они были абсолютно уверены: Ци Шэцзян раньше ни разу не сбился с ноты! Его баллада в стиле школы Му звучала невероятно аутентично!

А уж когда они узнали, что то, что он пел сначала, было именно Цзыдишу... им захотелось не просто в щель залезть, а расшибиться об стену прямо на сцене от стыда за свое невежество.

...

Имея базу классической пекинской оперы и владея Цзыдишу, Ци Шэцзян осваивал любые виды баллад-дагу в два раза быстрее остальных, особенно Цзинъюнь Дагу. При этом он никогда не смешивал стили: что учил, то и выдавал в чистом виде. Закончив с Цзинъюнь Дагу, он тут же продемонстрировал им имитацию Мэйхуа Дагу, Цзиньдун Дагу, Циньшу и других жанров.

Так Ци Шэцзян демонстрировал Цзэн Вэню и Мэн Цзинъюаню свою профессиональную подготовку. В отличие от пения Цзыдишу, для артиста сяншэна в вокальных номерах главное — подражание. Он специально выбирал манеру различных мастеров прошлого и копировал их с поразительной точностью.

С тех пор как Ци Шэцзян закончил обучение, его наставник всегда был его «пэнгуэнем» (партнером-подыгрывающим). Позже, когда наступили смутные времена, семья погибла, а дом был разрушен, он долгое время не имел постоянного напарника. Он стал артистом-одиночкой («шуа дань гэбо»), выступая с разными людьми, умея и вести диалог, и подыгрывать, петь и шутить — он владел всеми гранями мастерства. Если не было напарника, он просто читал монолог.

Именно те тяжелые дни закалили его способности.

Но в глазах Мэн Цзинъюаня и остальных это выглядело иначе: им казалось, что Ци Шэцзян, будучи тем самым «сокровищем, сохраненным за морем», перенял у своего старого учителя все манеры, привычки и чувство такта, которые совершенно не вязались с его молодой и яркой внешностью.

За это короткое время они не раз успели выкрикнуть восторженное «Браво!».

Мэн Цзинъюань проникался к Ци Шэцзяну всё большей симпатией. Как и говорил Лю Цюаньхай, манера юноши держаться на сцене действительно напоминала его собственного дедушку, что вызывало у него теплые чувства.

Цзэн Вэнь произнес:

— Если бы ты не пришел со своим менеджером, я бы всерьез предложил тебе вступить в мою труппу! Джесси, у меня есть одна нескромная просьба... Я хочу найти людей, которые могли

бы учиться у тебя Цзыдишу, чтобы сохранить это искусство и передать его дальше!

Вслед за учителем Лю Цюаньхаем он тоже стал называть парня «Джесси».

Ци Шэцзян охотно закивал. У него и раньше было желание брать учеников, но в то время не сложилось. Цзэн Вэнь здесь был как «местный князь», он десятилетиями вращался в кругах традиционного искусства — если он поможет с набором людей, то лучшего и желать нельзя.

Мэн Цзиньюань поддержал:

— О Джесси нужно обязательно сообщить в Ассоциацию деятелей искусств. Отныне мы сможем официально заявить: у Цзыдишу есть наследник!

Старший мастер Мэн когда-то был председателем этой ассоциации, а нынешним главой была пожилая знаменитая артистка жанра дагу.

Цзэн Вэнь пошутил:

— Если Ассоциация решит создать комитет по изучению искусства Цзыдишу, Джесси станет там единственным членом.

При этих словах Цзэн Вэнь и Мэн Цзиньюань переглянулись. Обоим в голову пришла одна и та же мысль. В Ассоциации много комитетов, включая комитет сяньшэна. Быть наследником Цзыдишу — это одно, но в мире сяньшэна очень строго следят за родословной («мэньху»). У Ци Шэцзяна не было четко подтвержденного наставника, и попасть в «обойму» официально признанных юмористов ему будет непросто...

Ли Цзин, хоть и не разбирался в тонкостях жанра, прекрасно слышал восторженные крики «Браво». Как только Цзэн Вэнь упомянул его, он тут же включился в разговор:

— Господин Цзэн, хотя Джесси... кхм, Jesse и не может формально вступить в труппу, вы ведь можете сотрудничать в самых разных формах? Как я вижу, вы все признаете талант Jesse?

Слова Ли Цзина сбили Цзэн Вэня и Мэн Цзиньюаня с мысли. В его тоне явно слышался скрытый подтекст.

Цзэн Вэнь, обдумав услышанное, спросил:

— Что именно вы имеете в виду?..

Ли Цзин улыбнулся:

— Я имею в виду, что надеюсь на вашу поддержку и протекцию для Jesse.

...

После завершения шоу на канале «Боло» и раскрытия личности Ци Шэцзяна, компания, как и ожидалось, сформировала из новичков айдол-группу. Ци Шэцзян, согласно слухам, в неё не попал.

Пока его коллеги всю раскручивались в составе группы, Ци Шэцзян лишь засветился на концерте матери с репликами, которые явно написал кто-то другой, да выступал с закрытыми номерами в чайных. Максимум — выпустил новую фотосессию. Но в новых шоу он не появлялся.

Это заставило фанатов и просто любителей сплетен не на шутку разволноваться.

Все ждали действий от Ци Шэцзяна: «Умоляем, покажи уже свое лицо где-нибудь еще!»

Какую дорогу он выберет? Песни, кино или снова реалити-шоу? Пора бы уже за работу! Обидно сидеть дома и прятать такую внешность — он вообще собирается быть айдолом или как? Даже если ты «красивая пустышка», бери пример с мамы Ся Ивэй — будь профессионалом, мелькай почаще, тогда ты будешь качественной «пустышкой».

И вот тогда телеканал «Боло Медиа» начал публиковать программу праздничного концерта к Фестивалю середины осени. Имя Ци Шэцзяна красовалось в списке.

Однако, присмотревшись, люди увидели следующее: Сяншэн Исполнители: Ци Шэцзян, Мэн Цзинъюань.

Пользователи сети: □□□□□□□□

<http://bllate.org/book/17028/1583645>